

К. Джункова
Карлов университет, Прага, Чехия. katarina.dzunkova@seznam.cz

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИОНЕРОВ В XIX в.

Статья посвящена избранным аспектам лингвистической мысли русских православных миссионеров, занимавшихся языками неславянских коренных народов Российской империи главным образом в XIX в. Миссионерские грамматики, словари и буквари создавались ради практической цели проповеди христианства среди так называемых инородцев и перевода церковных текстов на их языки. Рассматриваются грамматики, предназначенные для русских пользователей, в которых отразились как оценки соответствующих языков миссионерами, так и современные им лингвистические теории. Освещается интерес миссионеров к вопросам родства и происхождения языков. Особое внимание уделяется святителю Иннокентию (Вениаминову) и Н. И. Ильминскому.

Ключевые слова: миссионерская лингвистика, малые языки России, Российская империя, православные миссионеры, языковое родство, кириллический шрифт, св. Иннокентий (Вениаминов), Николай Ильминский.

Katarína Džunková
Charles University, Prague, Czech republic. katarina.dzunkova@seznam.cz

Linguistic thought of Russian Orthodox missionaries in the 19th century

Russian Orthodox missionaries began systematically researching the languages of the indigenous non-Russian peoples, known as “*inorodtsy*”, in the territory of the Russian Empire from around the end of the 18th century. In the 19th century, various missionary grammars, dictionaries, and primers were published. At the same time, missionaries often created alphabets for indigenous languages based on the Cyrillic alphabet. The article deals mainly with missionary grammars of various languages researched in the collections of the Russian National Library in St. Petersburg.

It appears that missionary grammars were primarily created for Russians, often to prepare future missionaries to spread the Gospel and translate Christian sacred texts into indigenous languages. Missionaries were frequently acquainted with contemporary linguistic theories, particularly regarding the classification and relatedness of languages. Especially St. Innocent (Veniaminov) was involved in the question of the origin and

diversity of North American languages. Some missionaries, in their introductions to grammars, described indigenous languages as primitive.

Special attention is given to the missionary and orientalist N. I. Ilminsky. Ilminsky emphasized the structure of language, which he believed facilitated the translation of the Holy Scriptures into languages of the same family without requiring complete mastery of the language. Ilminsky also focused on the religious significance of various alphabet systems. For nations that converted to Orthodox Christianity, he advocated for the use of only the Cyrillic alphabet, supplemented with additional characters.

Some missionary works reflected the requirements of state policy towards non-Russian peoples.

Key-words: missionary linguistics, languages of Russia, Russian Empire, Orthodox missionaries, language family, Cyrillic script, Innokenty Veniaminov, Nikolai Ilminsky

Миссионеры западных христианских конфессий Нового времени в ходе своей деятельности прежде всего в Америке и Азии добились ряда успехов в области лингвистики, составляя новые грамматические или лексикографические труды (см. грамматики типа «*arte de la lengua*» коренных языков Америки XVI–XVIII вв.). При этом они иногда указывали на родство между отдельными языками: например, хорватско-австрийский монах ордена босых кармелитов Паолин святого Варфоломея (1748–1806) создал учебник санскрита, отметив в нем родство санскрита с европейскими языками.

Если не считать св. Стефана Пермского (1340–1396), русские православные миссионеры стали обращать внимание на языки неславянских коренных народов Российской империи только в последней четверти XVIII в. Это было связано с изменением государственной и в дальнейшем церковной и языковой политики по отношению к «инородцам»¹. При этом миссионерская лингвистическая деятельность подчинялась конкретным задачам подготовки языковых пособий для новых миссионеров, выработки языковых норм для перевода церковных текстов на языки инородцев и, позднее, особенно со второй половины XIX в., повышения уровня грамотности инородческого населения,

¹ Слово *инородец* далее будет использоваться без кавычек в соответствии с узусом XIX в. В 1822 г. был издан «Устав об управлении инородцев», закрепивший понятие *инородец* в отношении нерусского населения Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии.

поначалу на родном, а затем на русском языке. Самым распространенным жанром миссионеров были буквари, однако они создавали также грамматики и словари соответствующих языков. Пособия часто возникали из чисто практической потребности семинаристов² в регионах, населенных инородцами, иногда же и в более организованном порядке, как, например, издания Православного миссионерского общества, действовавшего в 1865–1917 гг. В XIX в. русские миссионеры уже в основном опирались на современные им достижения ученых (востоковедов, лингвистов, этнографов); при этом они внесли и свой собственный вклад в науку. Так, православные миссионеры способствовали развитию татарской лексикографии: преподаватель Казанской духовной академии (КазДА) священник А. А. Троянский, автор грамматики татарского языка, в 1833–1835 гг. составил также двухтомный словарь татарского языка³.

В ходе нашего исследования мы использовали миссионерские издания и рукописи, хранящиеся в фондах Российской национальной библиотеки (Отдел национальных литератур, Рукописный отдел, Русский книжный фонд). Эти издания были отпечатаны в Синодальной типографии, в типографии Императорской Академии наук, в местных епархиальных или университетских типографиях, как и в других региональных типографиях. Сообразно своей цели миссионеры главным образом стремились перевести Священное Писание, катехизис, священную историю и церковные тексты (включая литургические), но поскольку христианская проповедь среди инородцев предполагала хорошее знание их языков, они составляли и собственные языковые пособия. Следует отметить, что христианским просвещением инородцев занимались не только священнослужители, но также миряне, связанные с церковными учебными заведениями: в их числе были, например, известный миссионер, востоковед Н. И. Ильминский (1822–1891), археолог и историк, автор «Грамматики зырянского языка» П. И. Савваитов (1815–

² Такова, например, рукописная «Зырянская грамматика», составленная учащимся Вологодской духовной семинарии Филиппом Козловым в 1808 г. (РНБ, Отдел рукописей, Q.XII.22).

³ Троянский А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в Казанской семинарии, священника Александра Троянского: Т. 1–2. Казань: Унив. тип., 1833–1835.

1895) или востоковед, автор «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровников (1822–1865).

Для развития начального образования инородцев на родном языке⁴ были изданы многочисленные буквари, отражавшие представления миссионеров о фонетике данных языков, зачастую с учетом потребности введения для них русской графики с минимальным применением дополнительных знаков.

Мы изучали грамматики, словари и буквари, увидевшие свет в качестве самостоятельных изданий, и работы, вышедшие в составе других сочинений, такие как «Замечания об алеутском языке» Иннокентия (Вениаминова), изданные вместе с переводом катехизиса на алеутский язык в 1834 г. Миссионерские переводы церковных текстов, не содержащие информации о языке, остались за рамками нашего исследования. В данной статье мы сосредоточимся на избранных проблемах, выявленных во введениях к миссионерским грамматическим трудам, и на вопросе применения новых алфавитов.

Суммарно мы обнаружили миссионерские лингвистические работы, охватывающие 25 языков: алеутский, алтайский, бурятский, калмыцкий, карельский, киргизский⁵, коми (зырянский), мансийский, маньчжурский, марийский, мордовский, нанайский, ненецкий, нивхский, осетинский, саамский, селькупский, татарский, удмуртский, хантыйский, чувашский, чукотский, шорский, эвенкийский, якутский. При цитировании этих работ ниже орфография и пунктуация оригиналов приводится в соответствии с современной, однако некоторые устаревшие грамматические формы и особенности словоупотребления авторов будут сохранены.

Причины создания миссионерских грамматик

Миссионерские грамматики предназначались преимущественно для русских, которым по разным причинам требовалось изучить инородческие языки. Они не были адресованы носи-

⁴ После усвоения начатков грамотности на родном языке (с использованием кириллицы) осуществлялся переход к обучению на русском языке.

⁵ Необходимо учитывать, что миссионеры подразделяли языки соответственно классификации своего времени: например, под «киргизским» языком подразумевались тюркские языки на территории Туркестана.

телям языка: для последних печатались буквари как на родном, так и на русском и церковнославянском языках. Введения к грамматикам часто содержат рассуждения миссионеров об инородцах и их языках. Разумеется, изучение инородческих языков и просвещение их носителей было подчинено интересам государства, ожидавшего, что с принятием христианства инородческое население постепенно перейдет от кочевого к оседлому образу жизни. Так, преподаватель КазДА востоковед А. В. Попов, автор «Грамматики калмыцкого языка», писал, что народ калмыков следует «вывести из состояния полудикости, сблизить с гражданственностью», но для того, «чтобы вполне дать ему почувствовать отеческую заботливость благотворного нашего правительства, надобно прежде приготовить людей, которые бы знали язык их и умели вникнуть в нравы, обычаи и самое их вероучение» (Popov 1847: VIII).

Протоиерей А. М. Орлов в «Грамматике маньчжурского языка» выражал надежду на то, что благодаря его трудам «проповедники православия на берегах Амура могли бы с удобством приступить к своему подвигу» (Orlov 1873: V). Свое сочинение он снабдил посвящением «Во славу и пользу Православной Церкви Божией на Амуре». Орлов был также автором «Грамматики монголо-бурятского разговорного языка», вышедшей пятью годами позже с посвящением «Во славу Православной Церкви Божьей и в пользу Иркутской и Забайкальской Духовных миссий». В ней Орлов утверждал, что только христианизация может способствовать «моральному обновлению бурят» и подчинению их государству, но для того чтобы проповедовать бурятам, важно владеть их языком: «Смирные, смышленные и глубоко преданные белому русскому царю буряты год от году обрусевают и переходят — то из шаманского, то из ламайского суеверия своего — в христианскую православную веру. Однако кто же не согласится, что всеми желаемое моральное обновление бурят, как самая крепкая связь с политическим телом русского государства, достигалось бы с большею быстротою, если бы влияющие на них из вашей среды личности вооружены были знанием живого бурятского языка» (Orlov 1878: V).

Автор «Мордовской грамматики» мирянин П. П. Орнатов (1808–1840), языковед, выпускник Тамбовской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, впоследст-

вии преподаватель церковной истории и греческого языка, заботясь о церковном просвещении мордовского населения, предлагал приучить воспитанников семинарии к разговорному мордовскому языку, так как «мордва едва понимает русский язык, а в таком состоянии не может пользоваться благотворительными наставлениями своих пастырей, особенно таких, которые, не быв рождены и воспитаны в их селах, совершенно не знали языка их» (Ornatov 1838: IX). В этих целях Орнатов и создал свою грамматику, поскольку без грамматики, утверждал он, невозможно надлежащим образом перевести церковные тексты. При этом он критиковал мордовский катехизис 1806 г., изданный «без наблюдения грамматической правильности» (Ornatov 1838: X).

Автором первой печатной грамматики коми языка был преподаватель Вологодской духовной семинарии А. Ф. Флёров⁶. Во введении он сожалел об утрате древнепермской письменности, созданной св. Стефаном Пермским. Характеризуя коми-зырян, Флёров писал, что они отличаются особенной «крепостью сложения телесного», имеют «отличные душевные способности при достопримечательной честности нравов, достойной древних предков их и наших скифов, и не позволяющей удивляться с русским путешественником честности давно уже образованных швейцарцев, нам чуждых. Собственные наблюдения мои показали мне в зырянах особенную способность к математике, что некоторым образом подтверждает <...> в долговременных и отдаленных путешествиях употребление компаса» (Flyogov 1813: VII). Указывая на все эти качества, Флёров констатирует, что «племя зырянское не заслуживает быть погруженным в тот мрак» (*ibid.*), а путь к свету он видит в изучении коми языка, переводе церковных текстов и просвеще-

⁶ О сохраняющейся потребности грамматического описания коми языка свидетельствуют также работы другого выпускника и преподавателя Вологодской духовной семинарии, историка и археолога, члена-корреспондента Императорской Академии наук П. И. Савваитова «Объяснение книг Св. Писания», «Грамматика зырянского языка» и «Зыряно-русский и русско-зырянский словарь» 1850 г., за которые он получил Демидовскую премию. Савваитов принимает во внимание грамматику Флёрова, ссылаясь также на современные ему работы А. М. Шёгрена, М. А. Кастрена, Ф. И. Видемана и Х. Г. фон дер Габеленца.

нии народа: «я не находил иного способа передать им наши познания, как, по примеру просветителя их св. Стефана изучившись наперед языку их, потом нужнейшими переводами сообщать им оные и посредством сих переводов вводить между ними основательное знание языка нашего; а для удобнейшего успеха в сем употреблять азбуку нашу, и сия мысль особенно побуждала меня к составлению их грамматики» (Flyorov 1813: X). При этом Флёров считает, что коми язык «прост и в сравнении с языками народов образованных весьма недостаточен, тем не менее, однако, удовлетворителен для простых, честных, нероскошных и трудолюбивых зырян» (Flyorov 1813: XI–XII).

Следующим сочинением, созданным в среде духовных семинарий, является «Краткая грамматика калмыцкого языка», которую составил для студентов КазДА «бывший противобуддийский миссионер» и настоятель Кавказского миссионерского монастыря иеромонах Мефодий (Львовский). Не учитывая упомянутую выше «Грамматику калмыцкого языка» А. В. Попова, он в предисловии утверждал, что «нет ни одной калмыцкой грамматики русской же транскрипции». Свою грамматику Мефодий адресовал как калмыкам, так и русским: «Поэтому мы решились восполнить сей пробел ради общего блага в деле просвещения калмыков, с одной стороны, а с другой — чтобы любознательным русским людям дать возможность познакомиться с особенностями калмыцкого языка. Ибо конструкция калмыцкой речи настолько своеобразна, что калмыцкий язык существенным образом отличается от русского» (Mefodij 1904: 3).

Среди миссионеров особенно выделяется известный священнослужитель и ученый Иннокентий (Вениаминов), первый епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки, с 1868 г. митрополит Московский и Коломенский. Он сумел глубоко проникнуть в строй изучаемых языков, а также провел ряд блестящих естествоведческих исследований на территории Русской Америки, к которым его побуждали Ф. П. Литке и К. Т. Хлебников. Главным в деятельности Вениаминова было миссионерство, поэтому его первые печатные свидетельства о языке алеутов вышли в форме прибавления к изданию священной истории и катехизиса («Замечания об алеутском

языке», 1834⁷). Во введении автор объявил, что Бог благословил его на создание основ их письменности: «язык ваш беден в словах для выражения мысли высокой, потому мы принуждены были ввести некоторые новые для вас слова, хотя и собственные же ваши» (Veniaminov 1834: VI). При этом Вениаминов высоко оценил достоинства алеутского языка и богатство базовой лексики, отметив также наличие дохристианской религиозной терминологии. В языке алеутов много специфических слов для выражения понятий из области анатомии, ботаники, зоологии и географии: «есть названия каждому мысу, мыску, бухточке, углублению, речке, ручейку, камню...» (Veniaminov 1834: 5). Автор обращает внимание и на развитие алеутского языка: разговаривая с людьми старшего поколения, он фиксирует изменения в лексике после принятия христианства. Констатирует он и стилистическую дифференцированность бесписьменного языка: «поелику заметно и известно, что один алеут против другого об одном и том же предмете объясняется и лучше, и яснее, и пространнее (...), то видно, что в сем языке есть свои красоты — и следовательно, красноречие» (Veniaminov 1834: 6).

Сочинения Вениаминова подвергались лингвистической правке; некоторые переводы дополнил разночтениями из диалекта острова Атха священник-креол Я. Г. Нецветов (1804–1864). В то время Вениаминов уже работал над рукописью алеутской грамматики, названной им «Грамматические правила алеутско-лисьевского языка», за которую автор получил Демидовскую премию в области лингвистики и лексикографии за 1835 г. (IAN: 38). Об этом своем труде он писал Ф. П. Литке: «Ах! С каким нетерпением я ожидаю вестей о моей грамматике! Как и что было с нею — мою бедною и глупую дочкою? Удостоилась ли она принятия Академии?» (Veniaminov 1897: 28), добавляя: «Пять месяцев сряду я исключительно занимался проверкою моих алеутских переводов (...) после того как я

⁷ Первый перевод катехизиса на алеутский язык автор отправил на рассмотрение иркутскому епископу Михаилу (Бурдукову) еще в 1826 г., но поскольку издание катехизиса Филарета (Дроздова) с избранными текстами на русском языке, служившее основой для этого перевода, было в то время в Санкт-Петербурге изъято из обращения, Вениаминову пришлось дожидаться нового, исправленного издания 1827 г. (Bernackij, Mamlina 2022: 166).

составил грамматику и словарь, мне открылся новый свет в алеутском языке» (Veniaminov 1897: 32).

В новом издании алеутской грамматики 1846 г. Вениаминов так обосновывает свой замысел: «Составить грамматику такого языка, каков алеутско-лисьевский, я считал почти совершенно бесполезным трудом, потому что она не нужна ни для алеутов, которые и без грамматики могут сообщать друг другу свои мысли и которые, наверное, не в долгом времени совсем оставят язык свой, ни для иностранцев, из коих никто и никогда не вздумает учиться такому языку. Но видя, с каким рвением, с какою неутомимостью многие ученые стараются собирать всякого рода сведения и как для них любопытна даже малейшая в таком роде находка, я решился составить, если не полную грамматику, то, по крайней мере, изложить несколько правил грамматики алеутского языка, в том предположении, что они, может быть, будут пригодны кому-нибудь для некоторого соображения о происхождении сего языка и для исторических догадок» (Veniaminov 1846a: I). Подробно описывая алеутское население, Вениаминов считает, что «число говорящих ныне алеутским языком будет не более 2 200. Без сомнения, число их в лучшие времена было гораздо более, но, кажется, не было выше 25 000» (Veniaminov 1846a: III). Заинтересовали его также происхождение и родственные связи алеутского языка: «Не может быть, чтоб алеутский язык или ныне или когда-нибудь не имел сродного себе языка, и такого, который бы не был с ним сходен в названиях <...>, но до сих пор еще не известно наверное, от какого древнего языка происходит сей язык, совершенно отличный от живущих подле народов» (Veniaminov 1846: III). Вениаминов сожалел, что не сохранились стихотворные произведения народного творчества на алеутском языке, в которых были бы зафиксированы более древние формы, утертеранные в устной речи повествования. Наблюдение, что алеутский язык «не беден глаголами, которые очень обстоятельно и даже, по нынешнему употреблению языка в сравнении с русским языком, с излишком изменяются по временам и наклонениям», подвело Вениаминова к размышлениям об истории и функциональности таких форм. Система глагольных инфиксов — «вставных частиц» — настолько богата, что «никто из нынешних алеут и даже стариков не умеет дать отчета, для чего он употреблял некоторые частицы», кон-

статировал он, задаваясь вопросом: «таковые, необыкновенные в русском языке вставные частицы в глаголах, как в самой важной части речи, и также излишние изменения в спряжениях не могут ли быть поводом к догадкам, что или язык сей, начинающий теряться, некогда был в лучшем употреблении, или происходил от одного из древнейших и обильных языков? Потому что не может быть, чтобы многие вставные частицы, употребляемые ныне иногда без всякого разбора и нужды, выдуманы были для одного только звука» (Veniaminov 1846a: VIII–XIX). По всей вероятности, он придерживался теории эволюции языков как о порче с развитием от более сложных форм к более простым.

Развивая свои мысли в «Замечаниях о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских...», Вениаминов удивлялся раздробленности и малому числу носителей североамериканских языков: «почти каждый из североамериканских народов, не только сам по себе, но даже и несколько их вместе, не стоят названия народа по чрезвычайной малочисленности своей» (Veniaminov 1846b: 4). Этому факту, считал он, можно будет дать объяснение только тогда, когда «североамериканские языки будут исследованы все и надлежащим образом» (Veniaminov 1846b: 5). Таким образом, Вениаминов исходил не только из миссионерских целей, но и осознавал необходимость документирования исчезающих североамериканских языков: «Если бы я не был убежден в том, что лучше написать посредственно о том, что знаешь и чего не знают другие, нежели, зная, не написать совсем ничего, то я никогда бы не принялся за такое дело, как составление грамматики языка дикого и который скоро совсем исчезнет, тем более что и самые познания мои в нем не совершенно достаточны для того, чтобы составить грамматику» (Veniaminov 1846a: XV).

После аляскинского опыта Вениаминов, будучи уже в сане архиепископа, учредил в Якутске в 1853 г. Комитет по переводу священных и богослужебных книг на якутский язык. Его председателем стал протоиерей Дмитрий Хитров, который с 1856 г. занимал пост ректора Якутской духовной семинарии и в 1868 г. был (под именем Дионисий) хиротонисан в сан епископа Якутского. За десять лет до этого он напечатал «Краткую грамматику якутского языка», поскольку «большая открылась

нужда как для самых якутов, так и для духовных лиц, поступающих на епархиальную службу из других губерний, нужда в простом общепонятном изложении начал якутского языка, или в составлении якутской грамматики» (Nitrov 1858: III). Как и другие миссионеры, Хитров оценивал плоды своих усилий очень скромно: «Нет сомнения, что труд мой далеко не соответствует тем требованиям, с каковыми он возложен на меня, и далеко не может удовлетворить той цели, которую Начальство имело в виду» (Nitrov 1858: III).

Также авторы «Грамматики алтайского языка» 1869 г. в «предуведомлении» объявляют, что она предназначена для русских читателей, причем «предмет, цель и направление настоящего труда определяются положением, точкой зрения, нуждами и видами составителей его, как членов Алтайской Миссии» (ADM: I). Исходя из их «нужд и видов», грамматика содержит русско-алтайский и алтайско-русский словарь. «Итак, главная цель этой грамматики — практическая, миссионерская, собственно научной цели мы не имеем в виду», — заключают авторы (ADM: VII). Подобно многим другим, они тоже выражают надежду, что, несмотря на недостатки, их труд «все-таки может составить некоторое пособие к изучению алтайского языка для начинающих миссионерскую деятельность, потому что, как знаем по собственному опыту, самому собирать все по слову, с начала, требует и много труда, и много времени».

Вероятно, последней миссионерской грамматикой в Российской империи явилась «Грамматика киргизского языка» священника, кандидата богословия В. В. Катаринского, изданная в Оренбурге после смерти автора и предназначенная «преимущественно для русских, имеющих почему-либо надобность изучить киргизский язык» (Katarinskij 1906: предисловие). Помимо этого Катаринский, настаивая на миссионерском, переводном методе обучения инородцев, перевел на «киргизский» язык ряд церковных текстов.

Теоретические основы лингвистического мышления миссионеров и идея языкового родства в их грамматиках

Миссионеры XIX в. опирались на современную им лингводидактическую литературу и учитывали новейшие достижения языкознания, зачастую используя сравнительно-исторический

метод. В их грамматиках приводились примеры из различных генетически родственных языков; появлялись также пособия одновременно на нескольких языках⁸.

Компаративный метод применяли авторы «Грамматики алтайского языка» из числа алтайских миссионеров (в особенности В. Вербицкий). В этой грамматике, написанной в сотрудничестве с Н. И. Ильминским, отмечались особенности алтайского в сравнении с другими тюркскими и монгольскими языками, причем принимались во внимание также диалекты. «Желая опираться на подлинные факты, мы старались исключительно приводить в примеры оригинальные тексты алтайских народных произведений», — писали авторы. С этой целью миссионеры обращались к собственным собраниям «телеутских и алтайских, отчасти кодомских народных произведений» и к сочинению этнографа-тюрколога акад. В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен». При разъяснении «внутреннего значения форм» авторам служил пособием труд монголоведа А. А. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» (ADM 1869: VI–VII).

В. В. Катаринский во введении к своей «Грамматике киргизского языка» упоминает, что составил ее с опорой на вышеупомянутую «Грамматику алтайского языка» и работу Н. И. Ильминского «Материалы к изучению киргизского языка» 1869 г.

Автор «Краткой грамматики якутского языка» 1858 г. епископ Якутский Дионисий (Хитров) ссылаясь на работу востоковеда акад. О. Н. Бётлингга «Über die Sprache der Jakuten» (1848–1851).

Протоиерей А. М. Орлов, преподаватель монгольского языка в Иркутской духовной семинарии, стал создателем вышеупомянутой «Грамматики маньчжурского языка», напечатанной в типографии Императорской Академии наук в 1873 г. Заметив схождения между монгольским и маньчжурским языками, он пытался объяснить грамматические правила маньчжурского языка, исходя из известных ему монгольских грамматических

⁸ Например, финноугровед Г. С. Лыткин, историк, этнограф и переводчик Евангелия от Матфея на коми язык, в 1887 г. издал «Зырянско-вотско-русский букварь и сведения из грамматики церковнославянского и русского языка».

явлений, что привело его к некоторым ошибочным выводам (Vigasin, Hohlov, Shastitko: 329).

В 1827 г. на Островах Прибылова географ Ф. П. Литке передал миссионеру Иннокентию (Вениаминову), исследователю североамериканских языков, современные научные труды, в том числе лингвистические. Высоко оценивая языковой талант Вениаминова, как и способности, проявленные им в деле обращения алеутов в христианство, Литке писал: «От его трудолюбия можем мы ожидать со временем основательных сведений об Алеутских островах и их жителей» (Litke 1835: 83). Вениаминов, в частности, заметил родство между алеутским и аляутским языками, почерпнув сведения о последнем и о родстве его с гренландским языком из материалов французского ученого Адельберта фон Шамиссо, принимавшего участие в кругосветном плавании на бриге «Рюрик» под командованием О. Е. Коцебу.

В ходе изучения языков своей паствы, рассеянной на обширной территории, Вениаминов описал языки двух семей, эскимосско-алеутской и на-дене, обращая внимание на сходства и различия между ними. При установлении языкового родства он руководствовался исследованиями лингвиста Р. Раска.

После хиротонизации в сан епископа Камчатского, Курильского и Алеутского Вениаминов переехал с острова Уналашка на остров Баранова, в Ново-Архангельск (с 1867 г. Ситка), находившийся на территории с тлингитским населением. Там он создал грамматику тлингитского и аляутского языков, в которой также поднимал вопросы родства и происхождения североамериканских языков. В российских колониях Америки, кроме поселения Форт-Росс в Калифорнии, где он тоже бывал в качестве священника, Вениаминов выделил шесть языков: уналашкинский, кадьякский, кенайский, якутатский, ситхинский и кайганский⁹. На отмеченное Вениаминовым типологическое расхождение между языками эскимосско-алеутской семьи и языками на-дене, связанное с отсутствием двойственного числа в последних, обратил внимание В. Гумбольдт в работе «*Über den Dualis*» (1827). Вениаминов сравнивал языки также по признаку противопоставленности притяжательного и неопреде-

⁹ Соотнесение классификации Вениаминова с современной см. в работе (Ivanov 1997: 15).

ленного падежей у имен и употребительности окончаний или префиксов и инфиксов у глаголов (Ivanov 1997: 16). Помимо этого исследователь заметил различие в системе счета, не зависящее от генетического родства языков. «Счет колошенский основанием имеет не десятиричное число, но пятерное» (Veniaminov 1846b: 8), причем к таким языкам он отнес и аляутский язык, в остальном по особенностям грамматического строя принадлежащий к эскимосско-алеутской семье.

В связи с таким разнообразием малочисленных североамериканских языков Вениаминов задавался следующими вопросами: «1) Отчего в Америке особенно много языков? 2) Точно ли все языки, коими говорят туземцы северо-западной Америки и которые нам кажутся разными, суть языки совершенно различные между собою или только наречия двух или по крайней мере немногих языков? 3) Ежели они различны, то какого корня или происхождения и проч., а ежели только наречия двух или нескольких языков, то почему они так раздробились? 4) Каждый народ или, сказать правильнее, народец, говорящий своим языком, непонятным его соседям и прочим народам, составляет ли отдельный народ своего происхождения? Или все они суть один и тот же народ, но только обстоятельствами разбитый на части? 5) Ежели каждый из них составляет отдельный народ, то откуда они пришли, и почему, живя в таком соседстве между собою, не смешались до сих пор, по крайней мере малочисленнейшие из них? А если все они суть один и тот же народ или двух-трех происхождений, то отчего у них такое различие в языках или, по крайней мере, в наречиях?» (Veniaminov 1846b: 4).

К проблемам родства языков обращался также другой выдающийся православный миссионер, востоковед, переводчик, педагог, член-корреспондент Императорской Академии наук Н. И. Ильминский, на которого, в отличие от Вениаминова, уже не распространилось влияние идей эпохи романтизма. После обучения в Казанской духовной академии и работы в переводческом комитете Ильминский по распоряжению Святейшего Синода был направлен в двухгодичную научную командировку на Ближний Восток (1853–1854). Тонкий знаток восточных культур, он владел древнееврейским, персидским, арабским, тюркскими, классическими и современными европейскими языками. Несомненно, он был знаком с современной классификацией языковых семей. Так, он писал:

«В науке языки, подобно растениям или животным, распределяются на семейства или классы. В числе этих семейств находится так называемое урало-алтайское, в котором заключаются (как виды в естественно-исторических родах) группы: тюркская (турецко-татарская) и финская. Языки черемисский и вотяцкий (мордовский также) относятся к финской группе; чувашский язык составляет, по-видимому, что-то среднее между финскими языками и турецко-татарским, приближаясь более к последнему...» (P'minskij 1875: 19).

В ходе миссионерской работы Ильминский рекомендует тщательно изучить структуру одного из многочисленных урало-алтайских языков, что впоследствии поможет в изучении других языков этой же семьи: «во всех этих языках, при разнообразии этимологических (морфологических) форм и отдельных слов, внутренний смысл и сущность этих форм почти совершенно одна и та же, даже значение слов, в отношении группировки понятий, иногда поразительно сходно; синтаксическое построение речи, т. е. состав предложений и т. п., тоже весьма сходно, так что буквальный перевод с одного языка на другой, не только в одной группе, но и в разных группах того же семейства, в общем будет понятен и удовлетворителен, за исключением только некоторых частных. Поэтому достаточно узнать основательно внутреннее устройство одного из многочисленных языков урало-алтайского семейства, чтобы иметь понятие о внутреннем устройстве и прочих языков того же семейства». В качестве примера он приводит тунгусский язык, о котором, на основе знания структуры татарского или марийского языков, можно судить, «что в нем нет родов, предлоги ставятся не пред именами, а после имен, прилагательные, стоя пред существительными, не изменяются ни в числе, ни в падеже и т. д.» (P'minskij 1871: 20).

Очень важным считал Ильминский знакомство именно со структурой языка, а не только с лексикой. Он отмечал, что практическое знание без теоретических основ, которое приобретается в результате постоянного контакта с местными жителями, недостаточно для переводческой работы: «При переводе (...) с русского языка на какой бы то ни было инородческий язык первое дело состоит в знании и наблюдении законов внутреннего устройства этого языка. Когда перевод в

этом отношении исправен, он будет непременно ясен и определен» (P'minskij 1871: 20).

Свое убеждение Ильминский подкреплял практикой. Не владея финно-угорскими языками, он тем не менее брался переводить с помощью носителя тексты на удмуртский язык. «Итак, начинаю: я диктую своему вотяку по-русски, словами простыми и определенными, предложениями краткими. Говорю одно предложение, он перелагает его на свой родной язык — я пишу. Я говорю по-русски другое предложение, он говорит по-вотяцки — я пишу, и так далее. (...) Сначала я настаиваю на ясности, на понятности; потом добиваюсь того, чтобы наше изложение было складно: как сами инородцы складно рассказывают что-нибудь им известное, пусть будет так же складно, правильно по языку и наше писание» (P'minskij 1871: 9–10). Новую лексику в переводах церковных текстов составляли в основном заимствования из русского (или церковнославянского, греческого либо древнееврейского языков) и словообразовательные кальки (Dolgova 2022: 164–165).

С переводов Ильминского на кряшенский татарский некоторые миссионеры переводили церковные тексты на другие языки. В качестве примера здесь может быть названа священная история на алтайском языке, изданная в 1879 г. в Казани. С татарского переводились также тексты на чувашский язык. Возникший таким образом чувашский перевод Евангелия от Матвея позже корректировал И. Я. Яковлев (P'minskij 1890: 51).

Ильминский разделял типичное для его времени убеждение в превосходстве русского языка над инородческими. Он писал, что «обороты инородческой речи — краткие, непериодические» и определяются мышлением «весьма простым, незатейливым, чуждым сложной силлогизации и обширных логических построений» (P'minskij 1871: 5–9). Это мнение Ильминского опроверг знаток монгольской и калмыцкой словесности А. М. Позднеев, возразив, что структура урало-алтайских языков, разъясняемая самим Ильминским, делает речь носителей не краткой, а напротив, чрезвычайно периодичной¹⁰.

¹⁰ «О языке народном в этом последнем случае, будь то у русских или у инородцев, нельзя думать как о языке бедном, недостаточном, незатейном, чуждом искусственности, отвлеченностей. Язык каждой народности представляет собой такую силу, перед которой должно

Аналогично Вениаминов, отдавая должное достоинствам алеутского языка, тем не менее, отмечал: «Хотя на алеутском языке можно объясняться довольно хорошо, ясно, удовлетворительно и даже красиво и говорить о вещах довольно отвлеченных, при всем том он так, как и всякой другой подобный ему язык, имеет свои недостатки. Не говоря о недостатках в выражениях или оборотах, которые вообще просты, часто детски и по большей части так тяжелы и холодны, как и сами алеуты...» (Veniaminov 1846a: IX).

Как Ильминский, так и Иннокентий Вениаминов сопоставляли исследуемые языки с русским по признаку наличия или отсутствия тех или иных грамматических категорий. Например, Вениаминову в алеутском языке недоставало отглагольных имен, важных для перевода церковных текстов, таких как «чтение», «молитва» (Veniaminov 1846a: X). Ильминский также упоминал о том, что в урало-алтайских языках «отглагольные имена действия» выражаются формой глагола (Il'minskij 1871: 24).

Вопросы употребления шрифта в миссионерских трудах

Поскольку лингвистические исследования миссионеров подчинялись в первую очередь практической цели христианской проповеди посредством печатных изданий на языках неславянских коренных народов России, вопрос об использовании алфавита и шрифта оказывался крайне важным. Первыми печатными миссионерскими грамматиками стали грамматики чувашского, удмуртского и марийского языков, изданные в 1769–1775 гг. под руководством епископа, митрополита Казанского и Свияжского Вениамина (Василия Григорьевича Пуцека-Григоровича). Они были напечатаны гражданским шрифтом с минимальными изменениями русской азбуки. Напротив, западные (почти исключительно протестантские) миссионеры, действовавшие на территориях с нерусским населением, в своих опытах по переводу христианских текстов на

преклониться слово всякого отвлеченного мыслителя» (Kul'ganek 2000: 111–131). А. П. Долгова допускает, что Ильминский, будучи знатоком многих языков, на самом деле «подразумевал разницу между книжной и устно-бытовой речью: сложную структуру и затейливость синтаксического строя первой, простоту и кажущуюся неразвитость — другой» (Dolgova 2022: 166).

языки соответствующих народов сохраняли существовавшую у них ранее письменность. Это наблюдается, например, лингвистическом наследии миссионеров-гернгутеров, проповедовавших среди калмыков в Сарепте под Царицыном, или в работах востоковеда Я. И. Шмидта.

Некоторые миссионерские издания на инородческих языках были напечатаны церковнославянским шрифтом. К ним относится, в частности, «Сокращенный катехизис, переведенный в пользу чуваш на чувашский язык для удобнейшего им уразумения православного христианского закона с присовокуплением некоторых молитв, символа веры и десятословия. В Казанской Академии, 1803 года апреля месяца». Использованный переводчиком, священником Е. И. Рожанским, церковнославянский алфавит не отвечал фонетической системе чувашского языка (Semyonova, Solov'eva 2013: 123).

Церковнославянским шрифтом был напечатан в 1846 г. в московской Синодальной типографии также «Алеутский букварь». Его автор Иннокентий (Вениаминов), однако, приспособил этот шрифт к фонетической системе алеутского языка путем добавления некоторых букв и надстрочных знаков. В 1858 г. в той же типографии по инициативе Вениаминова был напечатан церковнославянским шрифтом «Тунгусский букварь». В «Кратком катехизисе на русском и якутском языке», напечатанном в Синодальной типографии в Санкт-Петербурге в 1844 г., оба текста набраны церковнославянским шрифтом. Можно предполагать, что церковнославянский шрифт здесь был использован функционально, так как в «Краткой грамматике якутского языка» епископа Дионисия (Хитрова), изданной в 1858 г., все якутские примеры были напечатаны гражданским шрифтом. Употребление церковнославянского шрифта в якутских религиозных изданиях сохранялось до конца XIX в. Например, в 1883 г. в Казани этим шрифтом был напечатан перевод на якутский язык Божественной литургии св. Иоанна Златоуста.

В остальном тексты на инородческих языках печатались гражданским шрифтом. Так, первой печатной книгой на том же якутском языке был «Сокращенный катехизис для обучения юношества православному закону христианскому, переведенный на якутской язык, с приложением спереди таблицы для складов и чтения гражданской печати», изданный в 1819 г. про-

тоиереем Г. Я. Поповым без добавления каких-либо специальных знаков для передачи звуков якутского языка.

На формирование алфавитов инородческих языков оказала влияние книга «Букварь, краткая священная история, сокращенный катехизис и молитвы», изданная в 1862 г. Н. И. Ильминским, который дополнил русскую гражданку графемами Ä ä, Ö ö, Н н, Ў ў. Этот букварь стал образцом для создания букварей других языков.

Употребление того или иного шрифта представлялось Ильминскому исключительно важным для восприятия духовной культуры и мировоззрения конкретной религии. По его мнению, православная и мусульманская письменности должны были отличаться друг от друга также графически. В православных текстах должна была использоваться только кириллица, а в мусульманских — арабское письмо. Ильминский не допускал применения других шрифтов даже для народов с собственной развитой письменностью, считая кириллицу неотъемлемым проявлением православной культуры (P'minskij 1875: 28). Он был убежден в том, что письменность подразумевает и религиозную связь народов — так, латинский алфавит ассоциируется с западным христианством, арабский с исламом, древнееврейский с иудаизмом, а греческий — с греческим православием, ведь даже ассимилированные тюркоязычные греки в Османской империи записывали свои тексты, используя греческий алфавит. Кириллица же объединит татар *«не с родины Магомета»*, а с Церковью-матерью, которая для них есть Церковь русская» (P'minskij 1875: 37). Помимо графики важен был и словарный состав языка, который следовало очистить от специфически мусульманской татарской лексики, как и от персидских и арабских заимствований, которые ассоциировались с исламом.

Ильминский предлагал использовать разработанный им татарский алфавит также для киргизского (казахского) языка, однако здесь он встретил противодействие генерал-губернатора Туркестана К. П. фон Кауфмана, который в 1865–1866 гг., занимал пост виленского генерал-губернатора, когда после восстания 1863 г. в Литве было запрещено печатать книги иначе, чем гражданским (т. е. кириллическим) шрифтом. Вследствие этого опыта он имел «патриотический взгляд на азбуку» (P'minskij 1883: 26) и считал, что для простоты усвоения государствен-

ного русского языка следует также в печатных изданиях Туркестана употреблять только русский гражданский шрифт без всяких изменений и дополнительных знаков, «ибо русская азбука вполне достаточна для выражения фонетики всех известных нам восточных наречий» (P'minskij 1883: 7).

Ильминский, как следует из его письма графу Д. А. Толстому от 25 мая 1876 г., приводил в качестве контраргумента тот факт, что «русская азбука, составленная приснопамятным философом, преподобным Кириллом, из греческого алфавита, имеет дополнительные буквы для славянских звуков, чуждых греческому языку. Точно так же коптский алфавит к греческим буквам прибавил несколько особых букв». В отличие от этого, по мнению Ильминского, на католическом Западе вводился латинский алфавит без всяких добавлений. Исключение составляют только славянские народы: «например, чехи сделали, по крайней мере, некоторые приспособления латинских букв к своему языку. Так, над свистящими буквами *c, s, z* они поставили рогульку для придания им шипящего звука: *č = русскому ч; š = ш, ž = ж*». Это дало Ильминскому основания для далеко идущих обобщений: «Православная церковь допускает значительную свободу в отношении внешностей, лишь бы сохранялись дух и истина веры; напротив, в рабстве духовном держит своих исповедников деспотическое латинство. Но и в его области славянская натура не могла вполне согнуться под гнетом католического деспотизма, и придумала некоторые, по крайней мере, приспособления к своему языку в латинских буквах, вместо громоздких немецких сочетаний нескольких букв для выражения одного звука». Соответственно, если «мудрые и святые православные первоучители славян, движимые духом христианской любви и снисходительности, допустили значительные прибавки к греческому алфавиту согласных букв, носовых гласных и полугласных», русские также должны по их примеру допустить изменения в русской азбуке, применяемой к языкам, отличающимся от русского «не только внутренним построением, но и звуковой системой», как это сделал еще св. Стефан Пермский (P'minskij 1883: 27–28). Мир католичества и ислама он упрекает в отсутствии толерантности: «совпадение папизма с магометанством в неуступчивости по приспособлению алфавитов и снисходительность православной греческой церкви объясняются в основе духом человечности последней» (P'minskij 1883: 35). Самому Ильминскому, по его словам, подобная снисходительность давалась не без труда: «в своем

алфавите для крещеных татар я не мог освободиться от несколько одностороннего русского чувства, не мог возвыситься до полной свободы древних составителей алфавитов преподобного Кирилла и святого Стефана Великопермского». Любопытно, что Ильминский, по-видимому, допускал, что по мере секуляризации общества религиозное значение алфавита перестанет быть актуальным, но делал из этого неожиданный вывод: «Настанет время, когда и русские, и инородцы, в силу стремления всадить в тех и других культуру Западной Европы, все более и более забывающей Бога и Христа, охладят ко всякой религии и вместо религии поставят на первом плане интересы общественные, государственные, вообще человеческие; тогда, быть может, татары и другие иноверцы охотно примут русскую азбуку» (Ш'minskij 1883: 39).

Как мы видели, труды русских миссионеров в области лингвистики представляют собой весьма интересный, до сих пор лишь частично исследованный материал. Основываясь на их работах, можно составить представление как о лингвистических концепциях, которых они придерживались, так и об оценке ими отдельных языков и народов, а также проследить, какое влияние оказывала на нее политика государства. При рассмотрении языков миссионеры XIX в. опирались на сравнительно-исторический метод и понятие генетического родства языков. Вместе с тем в их грамматиках и словарях встречались примеры далеко не только из родственных языков.

Среди русских миссионеров того времени особенно выделяются святитель Иннокентий (Вениаминов) и Н. И. Ильминский. Первый интересовался вопросами происхождения языков, а второй придавал особое значение структуре языков, постижение которой позволяет изучать на базе одного многие другие, родственные ему языки. Ильминский также выработал собственную переводческую систему и поднимал вопрос о связи алфавита с религией.

Литература

- Altai Spiritual Mission (ADM) 1869: *Grammatika altajskogo yazyka* [Grammar of the Altai language]. Kazan.
Алтайская духовная миссия (АДМ) 1869: *Грамматика алтайского языка / сост. членами алтайской миссии*. Казань.
- Bernackij, M. P., Mamlina, N. A. 2022: [History of the edition and peculiarities of the text of the second redaction of st. Philaret Drozdov's "Longer Christian Catechism" (1827)] *Filaretovskij al'manah* [Philaret's almanac] 18, 157–175.
Бернацкий, М. М., Мамлина, Н. А. 2022: История издания и особенности текста второй редакции 1827 г. «Пространного христианского катехизиса» святителя Филарета (Дроздова). *Филаретовский альманах* 18, 157–175.
- Dolgova, A. P. 2022: [On the question of N.I. Ilminsky's treatment of grammatical aspects of translation into "inorodets" languages] Gudarov, Y. V., Dolgova A. P. (eds.) *N.I. Il'minskij i etnokul'turnoe razvitie narodov Povolzh'ya : Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii, Cheboksary, 16 sentyabrya 2022 goda* [N.I. Ilminsky and ethno-cultural development of the peoples of the Volga region: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, 16 September 2022]. Cheboksary.
Долгова, А. П. 2022: К вопросу о трактовке Н.И. Ильминским грамматических аспектов перевода на «инородческие» языки. / Гусаров, Ю. В., Долгова, А. П. *Н.И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 16 сентября 2022 года*. Чебоксары:
- Flyorov, A. F. 1813: *Zyryanskaya grammatika* [Zyrian grammar]. Saint Petersburg.
Флеров, А. Ф. 1813: *Зырянская грамматика, изданная от Главного правления училищ / сочинил А. Флеров, коллеж. асессор, Ова любителей словесности, наук и художеств. член, Медицин. совета М-ва нар. просвещения корреспондент*. СПб.
- Hitrov, D. V. 1858: *Kratkaya grammatika yakutskogo yazyka* [Brief Grammar of the Yakut language]. Moscow.
Хитров, Д. В. 1858: *Краткая грамматика якутского языка / составленная Протоиереем Д. Хитровым*. М.
- Il'minskij, N. I. 1871: *Praktičeskie zamečaniya o perevodah i sochineniyah na inorodčeskih yazykah* [On the translation of Orthodox Christian books into foreign languages]. Kazan.
Ильминский, Н. И. 1871: *Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках*. Казань.

- Ильминский, Н. И. 1875: *O perevode pravoslavnyh hristianskih knig na inorodcheskie yazyki* [On the translation of Orthodox Christian books into foreign languages]. Kazan.
- Ильминский, Н. И. 1875: *O perevode pravoslavnyh hristianskih knig na inorodcheskie yazyki: Praktich. zamечания N. Ильминского*. Казань.
- Ильминский, Н. И. 1883: *Iz perepiski po voprosu o primenenii russkogo alfavita k inorodchskim yazykam* [Selections from the correspondence on the application of the Russian alphabet to inorodets (non-Slavic) languages]. Kazan.
- Ильминский Н. И. 1883: *Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам*. Казань.
- Ильминский, Н. И. 1890: [Towards the history of translations into inorodets (non-Slavic) languages] *Perepiska o chuvashskih izdaniyah Perevodcheskoj komissii*. [Correspondence about the Chuvash editions of the Translation Commission.]. Kazan.
- Ильминский, Н. И. 1890: К истории инородческих переводов. / *Переписка о чувашских изданиях Переводческой комиссии*. Казань.
- Imperatorskaya akademiya nauk (IAN) 1866: Prisuзhdenie uchrezhdennyh P. N. Demidovym nagrad. Tridcat'chetvertoe, i poslednee. 25.06.1865. Saint Petersburg.*
- Императорская академия наук (ИАН) 1866. Присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. Тридцатьчетвертое, и последнее. 25 июня 1865 года. СПб.*
- Ivanov, V. V. 1997: *The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands and Its Relation to Native American Traditions--: An Attempt at a Multicultural Society, 1794–1912*. Library of Congress, Washington.
- Katarinskij, V. V. 1906: *Grammatika kirgizskogo yazyka : Fonetika, etimologiya i sintaksis* [Grammar of the Kyrgyz (Kazakh) Language: Phonetics, Etymology (Morphology) and Syntax]. Orenburg.
- Катаринский, В. В. 1906: *Грамматика киргизского языка: Фонетика, этимология и синтаксис*. Оренбург.
- Kul'ganek, I. V. 2000: [Unknown work of A. M. Pozdneev on the translation of the Holy Scriptures (From the Orientalists archives of the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences)] *Istoricheskij vestnik* [Historical bulletin] 7, 111–131.
- Кульганек, И. В. 2000: Неизвестная работа А. М. Позднеева о переводе Священного Писания (Из архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук). *Исторический вестник* 7, 111–131.
- Litke, F. P. 1835: *Puteshestvie vokrug sveta, sovershennoe po poveleniyu imperatora Nikolaya I na voennom shlyupe Senyavine v 1826, 1827, 1828 i 1829 godah, flota kapitanom Fedorom Litke: otdelenie more-*

- khodnoe s atlasom* [Voyage around the world, accomplished at the command of Emperor Nicholas I on the sloop Senyavin in 1826, 1827, 1828 and 1829, by fleet captain Fyodor Litke: navigational section with atlas.]. Saint Petersburg.
- Литке, Ф. П. 1835: *Путешествие вокруг света, совершенное по повелению императора Николая I на военном шлюпе Сенявине в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах, флота капитаном Федором Литке: отделение мореходное с атласом*. СПб.
- Mefodij (N. V. L'vovskij) 1904: *Kratkaya grammatika kalmyckogo yazyka* [Brief grammar of the Kalmyk language]. Kazan.
- Мефодий (Н. В. Львовский) 1904: *Краткая грамматика калмыцкого языка / сост. студентом Казанской духов. акад., бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большедербетовского улуса и настоятелем Кавк. миссионер. монастыря иером*. Казань.
- Orlov, A. M. 1873: *Grammatika man'chzhurskogo yazyka* [Grammar of Manchu language]. Saint Petersburg.
- Орлов, А. М. 1873: *Грамматика маньчжурского языка, изложенная протоиереем А. Орловым, учителем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии*. СПб.
- Orlov, A. M. 1878: *Grammatika mongolo-buryatskogo razgovornogo yazyka* [Grammar of Mongolian-Buryat spoken language]. Kazan.
- Орлов, А. М. 1878: *Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, составленная протоиереем А. Орловым, преподавателем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии*. Казань.
- Ornatov, P. P. 1838: *Mordovskaya grammatika* [Mordovian grammar]. Moscow.
- Орнатов, П. П. 1838: *Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мошки Тамбовской семинарии профессором, магистром Павлом Орнатовым*. М.
- Popov, A. V. 1847: *Grammatika kalmyckogo yazyka* [Grammar of Kalmyk language]. Kazan.
- Попов, А. В. 1847: *Грамматика калмыцкого языка, сочиненная Александром Поповым, ординарного профессора монгольского языка при Казанском университете...* Казань.
- Semyonova, P. A., Solov'eva, G. P. 2013: [Educational literature for Chuvash schools of the 19th-20th centuries] *Problemy sovremenno obrazovaniya* [Problems of modern education] 4, 121–142.
- Семенова, П. А., Соловьева, Г. П. 2013: *Учебная литература для чувашских школ XIX–XX вв. Проблемы современного образования* 4, 121–142.
- Veniaminov, I. E. 1834: *Nachatki hristianskogo ucheniya, ili Kratkaya svyashchennaya istoriya i Kratkij katekhizis. Per. svyashch. Ioann Veniaminov s pomoshch'yu Toena Ioanna Pan'kova 1830 goda v Unalashke. Zamechaniya ob aleutskom yazyke*. [The Beginnings of

Christian Doctrine, or A Brief Sacred History and a Brief Catechism. Translated by priest John Veniaminov with the help of toen John Pankov 1830 in Unalashka. Remarks on the Aleut language.] Saint Petersburg.

Вениаминов, И. Е. 1834: *Начатки христианского учения, или Краткая священная история и Краткий катехизис / Пер. свящ. Иоанн Вениаминов с помощью Тоэна Иоанна Панькова 1830 года в Уналашке. Замечания об алеутском языке.* СПб.

Veniaminov, I. E. 1846a: *Опыт grammatiki aleutsko-lis'evskogo yazyka [Explanation of the Grammar of Fox Island Aleut language]*. Saint Petersburg.

Вениаминов, И. Е. 1846: *Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка / [Соч.] свящ. И. Вениаминова, в Уналашке.* СПб.

Veniaminov, I. E. 1846b: *Zamechaniya o koloshenskom i kad'yakskom yazykah i otchasti o prochih rossijsko-amerikanskih, s prisovokupleniem rossijsko-koloshenskogo slovarya, sodержashchego bolee 1000 slov, iz koih na nekotorye sdelany poymasneniya [Remarks About the Koloshensky and Kodiak Languages and Partly About Other Russian-American with the Addition of a Russian-Koloshensky Dictionary, containing more than 1,000 words, some of which are explained.]* Saint Petersburg.

Вениаминов, И. Е. 1846b: *Замечания о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских, с присовокуплением российско-колошенского словаря, содержащего более 1000 слов, из коих на некоторые сделаны пояснения / Сост. Иван Вениаминов, в Ситхе.* СПб.

Veniaminov, I. E. 1897: *Pis'ma Innokentiya, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo.* Vol. 1. Barsukov, I. (ed.) [*Letters of Innokenty, Metropolitan of Moscow and Kolomna*]. Saint Petersburg.

Вениаминов, И. Е. 1897 *Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / Собр. Иваном Барсуковым, действ. чл. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те...* Кн.1. СПб.

Vigasin, A. A.; Hohlov, P. M.; Shastitko, P. M. (eds.) 1997: *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda [History of Russian Oriental Studies from the mid-19th century to 1917]*. Moscow.

Вигасин, А. А.; Хохлов А. Н.; Шаститко П. М. (eds.) 1997: *История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.* М.